

УДК 94(430).087
DOI: 10.17223/19988613/57/19

Е.А. Жаронкина, В.Г. Дорохов

«ПРИНУЖДЕНИЕ К ДЕМОКРАТИИ»: АДМИНИСТРАТИВНЫЙ РЕСУРС АМЕРИКАНСКОЙ ЗОНЫ ОККУПАЦИИ ГЕРМАНИИ В ДЕЙСТВИИ (1945–1949 гг.)

Рассматриваются основные направления политики американской военной администрации по демократизации и денацификации послевоенной Германии, проанализированы ее результаты. Выявлены методы, при помощи которых американские оккупационные власти стремились решить проблему «демократизации» на основе американских демократических традиций. Показана роль военной администрации в восстановлении демократических институтов и формировании западногерманского государства. Сделан вывод, что осуществление демократических преобразований проходило под постоянным контролем со стороны оккупационных властей.

Ключевые слова: Германия; оккупация; военная администрация; демократизация; денацификация.

После поражения во Второй мировой войне Германия была оккупирована войсками четырех держав: СССР, США, Великобритании и Франции. Оккупация страны, по замыслу союзников, должна была привести к коренному переустройству всех сфер жизни немецкого общества. При этом задачи, которые они ставили перед собой, были очень сложными, более того, многие из них приходилось решать впервые. Ситуация осложнялась тем, что помимо уничтожения экономической инфраструктуры, в Германии были практически полностью парализованы органы власти и управления. Глубинной целью воссоздания немецкого государства на демократической основе было полное подавление сопротивления со стороны оставшихся сторонников нацизма и реорганизация жизни страны на новом фундаменте.

Исходя из этого понимания, одной из главных задач, которая встала перед союзниками, было возрождение либерально-демократических институтов, разрушенных за годы нацистской диктатуры. Для этого предполагалось осуществить комплекс мер, объединенных под названием «демократизация». В Потсдамском протоколе и в директиве JCS 1067 – официальном программном документе американской военной администрации в Германии (далее АВАГ), демократизация признавалась одной из главных целей оккупационной политики [1. Р. 76–78].

Составной частью политики демократизации и одновременно одной из противоречивых проблем, возникших перед американцами после поражения Германии, была проблема денацификации. С подобной задачей союзные оккупационные силы столкнулись впервые, поэтому разрешение данной проблемы они рассматривали как важнейшее при решении германского вопроса. О сложности осуществления этого процесса свидетельствует тот факт, что в ноябре 1945 г. еще около 50% немцев считали национал-социализм хорошей идеей, но плохо воплощенной [2. Р. 171–172]. Несмотря на первоначальный замысел, предполагавший строгий и жесткий подход к денацификации, в американской оккупационной зоне она была проведена достаточно «мягко» и не была лишена ошибок. В частности, ошибкой стоит считать превращение денаци-

фикации как процесса регулируемого очищения в массовую чистку, в ходе которой разница между высшими партийными функционерами и массой рядовых членов многочисленных нацистских организаций была практически нивелирована. Немцы, которые первыми попали под ее осуществление, были наказаны гораздо более строго. Причем в основном это были как раз те, кто лишь формально являлся нацистом. Постепенно процедура денацификации смягчалась, и получалось, что виновные в гораздо более серьезных и тяжких преступлениях были наказаны мягче либо не наказаны вообще.

Несоразмерность вынесенных приговоров породила в широких массах рядовых немцев ощущение несправедливости. Это привело к тому, что количество немцев, выражавших одобрение методам американской денацификации, становилось с каждым годом все меньше: от 57% в марте 1946 г. до 17% в мае 1949 г. [3. Р. 304–305]. Основную критику и недовольство немецкого населения вызывало практическое осуществление денацификации, при котором ее реальными «жертвами» стали номинальные, а не действительные нацисты. Не устраивала немцев и практика увольнения с занимаемых должностей, поскольку это влекло за собой значительное ухудшение их материального положения. Однако это не означало, что немцы враждебно относились к самой идее денацификации. Наоборот, более 50% проживающих в американской зоне поддерживали эту идею.

Другой важной составной частью политики демократизации немецкого общества стала деятельность АВАГ в области «перевоспитания» немцев в проамериканских демократических традициях. В этом направлении оккупационным властям удалось добиться определенных успехов. Как и в политической сфере, американская администрация стремилась к тому, чтобы возрождение общественной и культурной жизни было главным образом обязанностью самих немцев под американским надзором и контролем. Однако в некоторых случаях она могла действовать достаточно жестко, оказывая непосредственное давление на немцев. Еще весной 1945 г. руководители американских и английских оккупационных войск не верили в готов-

ность немцев к демократическим преобразованиям. Американский военный губернатор Л. Клей в своих мемуарах не скрывал того факта, насколько трудным было «проникнуть в сознание немцев» и «преодолеть цинизм аудитории Геббельса». [4. Р. 281–282]. Достичь этой цели предполагалось через демократизацию системы образования, культурную политику, возрождение свободной прессы и других средств массовой информации. И хотя, как вспоминал Л. Клей, «...мы с самого начала приняли решение не использовать непосредственную пропаганду... но делать это всеми доступными средствами: информационными и образовательными, журналами, прессой, радио, книгами, кинофильмами, театром, музыкой, лекциями; на собраниях профсоюзов, в школах, в церквях» [Ibid. Р. 283], в реальности большая часть мероприятий носила пропагандистский характер.

Еще до окончания войны американцы предприняли попытку пробудить в немцах чувство «коллективной вины» или «коллективной ответственности» за преступления нацизма. При этом стояла задача не столько убедить в этом немецкое население, сколько способствовать, чтобы немцы сами осознали свою ответственность. Для этого применялись различные средства, например плакаты с изображениями жертв концентрационных лагерей, подпись к которым гласила: «Вы виновны в этом!» или «Эти зверства: ваша вина!», немцам демонстрировали документальные фильмы, снятые в концентрационных лагерях. Военная администрация исходила из ложного представления, что принятие немцами своей вины и ответственности за нацистские преступления будет первым шагом в их перевоспитании на пути к демократии. Однако уже к концу 1945 г. стало понятным, что подобная плохо продуманная пропагандистская кампания не достигла своих целей, так как немцы в подавляющем большинстве отвергали идею «коллективной вины». Такая же неудача постигла и американскую политику «небрата-ния»: в первые месяцы оккупации Германии в американской зоне существовал запрет на неформальные контакты американских войск и немецкого населения. В июле 1945 г. в интервью газете «Нью-Йорк Таймс» один из военнотружеников пояснил, что запрет на дружеское общение должен был «показать немцам, что... мы не хотим иметь никакого к ним отношения, пока не почувствуем, что они снова готовы войти в мировое сообщество» [5. Р. 8]. По факту к концу 1945 г. стало понятно, что подобная тактика была малопродуктивна и скорее мешала, чем способствовала демократизации. К тому же американский персонал довольно часто игнорировал этот запрет, особенно в отношениях с детьми.

Американская военная администрация осознавала потребность как в уничтожении национал-социализма и разрушении основ авторитарного государства, так и в необходимости укрепления демократических сил, восстановления деятельности демократических политических институтов через возрождение многопартийной системы и органов немецкого самоуправления. С самого начала оккупационные власти стремились не допускать появления на политической арене большого количества партий, а также партийных объединений,

занимавших крайние позиции в партийном спектре. Только большие умеренные партии могли в американском представлении стать действенной гарантией политической стабильности. Официально военная администрация провозгласила свободу и равенство всех демократических политических партий, декларировала свой политический нейтралитет и избегала открыто отдавать предпочтение каким-либо партиям. Однако не оказывая напрямую воздействия на партийные программы, не продвигая нужных партийных функционеров и не вмешиваясь во внутрипартийные споры, оккупационная администрация, тем не менее, благодаря процедуре лицензирования успешно сохраняла контроль над деятельностью партий, ограничивая развитие или вообще запрещая неудобные партии. Так, из четырех главных партий в американской зоне наибольшей симпатией и поддержкой оккупационных властей пользовались ХДС/ХСС, а Баварская отечественная и монархическая партия была запрещена на том основании, что идея восстановления монархии несовместима с демократией и противоречит целям американской оккупационной политики [6. Р. 672–674]. Мелкие партии оккупационные власти вынуждали примыкать к более крупным либо старались не допустить их роста, ограничить деятельность таких партий окружным уровнем, под разными предлогами отказывая в земельной лицензии (как было с Национальной партией в Гессене).

Следует отметить, что развитие политической жизни в Германии в рассматриваемый период проходило на фоне возрастающей напряженности в отношениях между Востоком и Западом. Это напрямую отразилось на положении Коммунистической партии в американской зоне. Хотя оккупационные власти официально заявляли о своем политическом нейтралитете по отношению ко всем партиям, КПГ всегда была под их пристальным вниманием. Несмотря на явное желание запретить деятельность компартии в американской зоне, военная администрация не решилась на такой шаг, поскольку это могло дать СССР лишний повод для усиления антизападной пропаганды. К тому же партия могла развернуть подпольную деятельность, и ее было бы труднее контролировать. Понимая это, американцы пошли другим путем: всеми возможными способами они стремились ограничить влияние КПГ. В вопросах предоставления материальной помощи или доступа к средствам массовой информации приоритет отдавался некоммунистическим партиям, в первую очередь ХДС. Это в очередной раз подтверждает тезис, что американские оккупационные власти, предоставив немцам свободу политического выбора, никогда не забывали о своих собственных интересах.

Прямое американское управление постепенно прекратилось к концу 1946 г., когда американская военная администрация, первая среди союзников, провела в своей зоне оккупации свободные выборы. В январе 1946 г. состоялись выборы в советы общин, а в ноябре-декабре 1946 г. прошли референдумы, на которых были одобрены земельные конституции. Проведение выборов и принятие конституций земель, разграничение полномочий между оккупационными и немецкими властями позволили военной администрации изменить

свою роль и перейти от прямого управления политической жизнью к косвенному контролю и наблюдению за ней. В этом смысле возрождение немецкой общественно-политической жизни на демократической основе хорошо укладывалось в логику восстановления органов местного самоуправления, но уже состоявших из немцев. Стойкое стремление военной администрации передать максимум властных полномочий немцам было характерной чертой американской оккупационной политики. Это можно объяснить как необходимостью демобилизации американской армии и сокращением оккупационного аппарата и затрат на него, так и утилитарным желанием американцев разделить ответственность за послевоенное развитие Германии с немцами. Восстановление демократических институтов в Германии и передача управленческих функций проходили постепенно, снизу вверх: от местного уровня до земельного и далее зонального. Например, деятельность немецких партий была разрешена сначала только на окружном уровне, а затем уже стали появляться земельные и зональные партийные организации. Свободные демократические выборы были проведены на уровне муниципалитетов и только потом в ландтаги. Так же постепенно проходила и передача управленческих функций: от восстановления местных органов власти до вручения всей полноты власти правительств земель. Назначенные американцами должностные лица, заменялись избранными представителями на всех уровнях власти.

Помимо контроля над политической сферой при осуществлении политики демократизации одним из серьезных ограничений в культурной жизни на начальном этапе стал запрет на любую публицистическую или культурную деятельность самих немцев. Предполагалось, что возобновлением деятельности прессы и радио, театральной и музыкальной жизни, кинематографа и тому подобного могут заниматься только политически надежные и не запятнавшие себя связью с национал-социализмом немцы. Это было возможно лишь после регистрации и получения лицензии от АВАГ. Получение лицензии на выпуск газеты было настолько желанным, что среди немецких издателей появилось выражение: «Лицензия на выпуск газеты – то же самое, что разрешение печатать деньги» [7. Р. 14]. На протяжении всего периода оккупации американская администрация внимательно следила за всеми публикациями в прессе, хотя жесткой предварительной цензуры издаваемых материалов не осуществляла уже с августа 1945 г.

На страницах печатных изданий разрешались свободное обсуждение политических проблем, комментарии относительно политики оккупационных властей. Однако средствам массовой информации в американской зоне, как и в других оккупационных зонах Германии, запрещались: 1) пропаганда нацистских, милитаристских, антидемократических и тому подобных идей; 2) критика политики или персонала военной администрации; 3) распространение информации, вызывающей недоверие и враждебность немцев к оккупационным властям, а также информации, призывающей к сопротивлению политике властей [8. Р. 29].

Вся ответственность за содержание публикуемой информации полностью возлагалась на редакторов и издателей, и если напечатанная информация не устраивала американские власти, редактор и издатель могли получить предупреждение или выговор и были обязаны внести исправления. Крайней мерой был отзыв лицензии на издательскую деятельность. Таким образом, военная администрация определила границы приемлемого и дозволенного в информационной сфере и имела полную возможность контролировать содержание и направленность информации в своей зоне ответственности. Тех же, кто не придерживался правил игры, серьезно наказывали. Например, в апреле 1947 г. был закрыт популярный журнал «Руф», на страницах которого авторы продвигали идею о третьем, европейском пути развития Германии между Востоком и Западом, критически оценивали деятельность военной администрации и политическую линию союзников. Но оккупационные власти сочли его прокоммунистическим и закрыли «за нигилизм».

В первые месяцы оккупации, когда издававшихся газет и журналов было явно недостаточно, одним из основных источников информации о событиях внутри страны и за ее пределами стало радио, которое к тому же служило мощным инструментом пропаганды, особенно после начала «холодной войны». Особый размах антикоммунистическая пропаганда приняла с началом берлинского кризиса, когда было установлено круглосуточное радиовещание. Подобная кампания была развернута и в других официальных СМИ. К этому времени усилия американских оккупационных властей в «перевоспитании» немцев все более смещаются в сторону идеологического конфликта с коммунизмом и переориентации немцев на западные стандарты демократии. При этом подчеркивается, что понятия «демократия» и «коммунизм» являются взаимоисключающими. Однако, несмотря на ряд ограничений (выдача лицензий, денацификация, запрет критики оккупационных властей), культурная жизнь в американской зоне развивалась достаточно свободно, без значительного вмешательства АВАГ. В целом, американская политика «перевоспитания» сыграла важную роль в демократизации немецкого общества и способствовала культурному и духовному перерождению Германии.

Необходимо понимать, что весь комплекс изменений, осуществленный в западных оккупационных зонах под эгидой демократизации, в конечном итоге способствовал разделению немецкого государства на две части. Когда в июле 1948 г. военные губернаторы трех оккупационных зон представили премьер-министрам одиннадцати западногерманских земель так называемые «франкфуртские документы», немецкие политики, не желая способствовать разделению Германии, отказались их принять в том виде, в каком они предлагались союзниками. Логичным итогом этой обструкции стала резкая критика со стороны Л. Клея, обвинившего немецких политиков в нерешительности и выразившего сильное разочарование их позицией: «Ваши решения разочаровывают, так как русские будут теперь ссылаться на то, что немцы не хотели западного государства и что его желали только амери-

канцы. Таким образом, своими решениями Вы бесцеремонно обошлись с Вашими настоящими помощниками и друзьями – американцами» [9. С. 408–409]. Понимая невозможность длительной конфронтации с оккупационными властями, находясь фактически под прямым давлением АВАГ, немцы вынуждены были изменить свою позицию. Как позже отмечал в своих мемуарах известный западногерманский политик Ф.-Й. Штраус, принимавший участие в работе Экономического совета: «Все наши решения в обязательном порядке подлежали утверждению американцами... при всем при том не создавалось такого впечатления, будто мы в глазах американцев были простыми марионетками, которых держат за нитки, или будто американцы принимают решения по своему произволу и капризу. Напротив, они давали нам понять, что мы тоже имеем право голоса – и это соответствовало действительности. И все-таки когда

речь заходила о чем-то важном для них, американцы пускали в ход все свое влияние» [10. С. 101]. Фактически это означало признание того факта, что процесс демократизации так или иначе был управляемым и подконтрольным американской военной администрации.

Таким образом, «принуждение к демократии» со стороны американцев носило комплексный характер и затронуло все сферы жизни немецкого общества. Поскольку практического опыта в проведении подобных мероприятий еще не было, американские оккупационные власти находили правильные (на их взгляд) направления путем проб и ошибок. Была возрождена политическая многопартийная система, культурная и экономическая жизнь получила мощный толчок для своего развития. Конечным итогом этих процессов стало создание на обновленной основе демократического западногерманского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Directive to Commander in Chief of United States Forces of Occupation regarding the Military Government of Germany (JCS 1067) // Germany under occupation: illustrative materials and documents. Ann Arbor, 1949. 317 p.
2. Balfour M. Four-Power Control in Germany and Austria 1945–1946 / M. Balfour, J. Mair. London–New York–Toronto, 1956. 381 p.
3. Public opinion in occupied Germany: The OMGUS Surveys, 1945–1949 / ed. by A.J. Merrit, R.L. Merrit. Urbana–Chicago–London, 1970. 320 p.
4. Clay L.D. Decision in Germany. New York, 1950. 505 p.
5. The New York Times. 1945. 10 July.
6. Foreign Relations of the United States. 1946. Washington. 1969. Vol. V: The British Commonwealth; Western and Central Europe. 1109 p.
7. Weekly Information Bulletin / Office of the Assistant Chief of Staff, G-5 Division USFET, Information Branch. August 1945. №2.
8. Control Council Directive № 40: Policy to be Followed by German Politicians and the German Press, 3 February 1947 // The German Press in the U.S. Occupied Area 1945–1948. Special report of Military Governor / Office of Military Government for Germany (U.S.). November 1948. 39 p.
9. Из ответа американского военного губернатора Л. Клея на «Кобленцские решения» 14 июля 1948 г. // История Германии : учеб. пособие для студентов вузов : в 3 т. / под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2005. Т. 3: Документы и материалы. 544 с.
10. Штраус Ф.Й. Воспоминания / пер. с нем. М., 1991. 560 с.

Zharonkina Elena A. Kemerovo State University (Kemerovo, Russia). E-mail: zharonkina@mail.ru

Dorokhov Valeriy G. Kemerovo State University (Kemerovo, Russia). E-mail: dorohov_@mail.ru

“COMPULSION TO DEMOCRACY”: THE ADMINISTRATIVE CAPACITY IN ACTION WITHIN AMERICAN ZONE OF OCCUPATION IN GERMANY (1945–1949)

Keywords: Germany; occupation; military government; democratization; denazification.

The authors of this research strived to unveil in their article the main lines of “democratization” process in American occupation zone following the defeat of Nazi Germany and the extent to which the “administration capacity” was used for the realization of given policy. Throughout the research, it was determined, that the purpose of such capacity was significant due to the specifics of social fabric of Germany. Being under long-lasting Nazi dictatorship, the majority of Germans were incapable of instant transitioning into reality imposed by American models of culture, economics and politics. Realizing, that a simple lunch of such process is impossible, in the meantime seeking to deprive Germany of possibility to unwind a new world war, the American military government came to the right decision of necessity in conducting the “democratization” process by force, thus pushing Germans to move in the correct direction for Americans. The research builds on such central source as the directive JCS 1067 of the Supreme Commander of USA Forces (April 1945), that exposes main vectors of new policy of the democratization. As part of the reorganization of German political field, the procedure of denazification took place. The specifics of holding this resulted from the fact that nothing alike had ever been carried out before, therefore the precedents did not exist. As part of the earlier stages in realization of the policy mentioned above (Spring–Fall 1945), there were excesses, connected with false understanding that acknowledging the concept of “collective fault” from the German side would be that trigger initiating all of the following democratization mechanisms at the formation of new political and social landscape of Germany. In 1946 and 1947, Americans directed major efforts to blaming the key Nazi criminals and doing fundamental changes to the entire political system. Since 1948, the military administration had begun doing the state reconstructions, but not the social cleansing among Germans from Nazi’s legacy. It is worth emphasizing, that a core focus on administrative regulation of democratization process was made on implementing implicit leverage. It is about licensing procedure, be it the political party foundation or publishing new press. The authors came to conclusion, that regardless of tough procedure of “democracy compulsion”, political and cultural reality in American occupation zone evolved rapidly and in general, the tasks given were resolved on formal grounds by summer 1948. By that moment, direct administration had not been used anymore, since American military government understood, that a fresh foundation for German state was established in American occupation zone and as a result, it was necessary to share the burden of German districts’ leadership with Germans themselves, however in terms of the formation of independent West German State (1949).

REFERENCES

1. USA. (1949) Directive to Commander in Chief of United States Forces of Occupation regarding the Military Government of Germany (JCS 1067). In: Pollock, J.K., Meisel, J.H. & Bretton, H.L. *Germany under occupation: illustrative materials and documents*. Ann Arbor.
2. Balfour, M. & Mair, J. (1956) *Four-Power Control in Germany and Austria 1945–1946*. London; New York; Toronto: Oxford University Press. DOI: 10.2307/1952463
3. Merrit, A.J. & Merrit, R.L. (eds) *Public opinion in occupied Germany: The OMGUS Surveys, 1945–1949*. Urbana; Chicago; London: University of Illinois Press.
4. Clay, L.D. (1950) *Decision in Germany*. New York: William Heinemann Medical Books.
5. *The New York Times*. (1945). 10th July.
6. Everett Gleason, S. (1969) *Foreign Relations of the United States. 1946. Volume V. The British Commonwealth; Western and Central Europe*. Washington: United States Government Printing Office.
7. *Weekly Information Bulletin*. (1945) Office of the Assistant Chief of Staff, G-5 Division USFET, Information Branch. 2.
8. Office of Military Government for Germany (U.S.). (1948) Control Council Directive №40: Policy to be Followed by German Politicians and the German Press, 3 February 1947. In: *The German Press in the U.S. Occupied Area 1945–1948. Special report of Military Governor*. November 1948.
9. Clay, L. (2005) Iz otveta amerikanskogo voennogo gubernatora L. Kleya na “Koblentsskie resheniya” 14 iyulya 1948 g. [From the answer of the American military governor L. Clay to the “Koblenz decisions” on July 14, 1948]. In: Bonwech, B. & Galaktionov, Yu.V. (eds) *Istoriya Germanii* [History of Germany]. Vol. 3. Kemerovo: Kuzbasvuzizdat.
10. Strauss, F.J. (1991) *Vospominaniya* [Memories]. Translated from German by F.J. Strauss. Moscow: [s.n].